

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 270

4 AOUT 1950

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

6-й ГОД ИЗДАНИЯ
N° 270

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

25 frs

РЕДАКТОР А. ● СТУПНИЦКИЙ Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tel. : CEN. 44-27. Rédacteur en chef A. Stoupnitzky

Н. Телешов

Первая и последняя встречи с Чеховым

ИЗ КНИГИ
"ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ"

НЕМАЛО было встреч у меня с Чеховым. немало бесед и разговоров, но при имени Антона Павловича всегда с особенной ясностью вспоминаются мне две наши встречи: самая первая и самая последняя, и два его образа: молодого, цветущего, полного жизни и затем безнадежно больного — умирающего накануне отъезда его за границу, откуда он уже не вернулся. Я был еще юношей, лет двадцати, когда впервые встретился с ним, в то время тоже еще молодым человеком и писателем, только что замеченным. В ту осень 1887 года вышла его книга рассказов "В сумерках" — первая за подписью "Антон Чехов", а не "Чехонте", как раньше.

Впоследствии, уже в девятисотых годах, в своих воспоминаниях о Чехове А. И. Куирин, между прочим, приводит такие слова самого Антона Павловича обо мне: "Вы спросите Телешова сами: он вам расскажет, как мы с ним гуляли на свадьбе у Белоусова".

И действительно, мы именно гуляли. Свадьба была веселая, шумная.

В то время я был совершенно чужой в литературном мире. Не только не был ни с кем знаком, но ни с одним настоящим писателем даже не встречался. Зная их только по

И вот в разгаре свадебного шума, Белоусов*) подвел меня к высокому молодому человеку с красивым лицом, с русской бородкой и ясными, немного смещившимися глазами, будто улыбающимися.

— Чехов.

Я уже знал, читал и любил его рассказы, только что собранные в первую книжку. Слышал также, что Григорович, маститый старец и заметный писатель того времени, однажды сам пришел к Чехову — познакомиться с ним, как с молодым собратом, которому пророчил большое и славное будущее.

И это внимание Григоровича, и личное впечатление от прочитанных рассказов, и первая в жизни встреча с настоящим писателем — настроили меня восторженно. Хотелось сейчас же заговорить с ним о его книге, о том новом в литературе, что он дает, но Чехов предупредил меня иным, совершенно неожиданным вопросом:

— Вы в карты не играете? В стуколку?

— Нет.

— А со мной вот пришел Гиляровский. Жаждает поиграть в стуколку, да не знает с кем. Вы знаете Гиляровского? Дядю Гиляя?

*) М. А. Белоусов, поэт-самоучка.

Да вот и он! — как говорят актеры в самых бездарных ролевых сценах.

Подшел Гиляровский — познакомился. Он был во фраке, с георгиевской ленточкой в петлице. В одной руке держал открытую серебряную табакерку, другой рукой посылал кому-то через всю комнату привет. Не успели мы и двух слов сказать для первого знакомства, как загремела опять музыка, и меня, как молодого человека, утащили танцевать.

— Идите, идите. А то на нас барышни будут из-за вас обижаться, — сказал мне вслеп Антоша Павлович.

На этом, может быть, и кончилось бы наше знакомство, если бы Антон Павлович в конце ночи, после торжественного свадебного ужина с мороженым и шампанским, не подошел ко мне и не позвал с собою.

— Скоро уж утро, — сказал он. — Гости разъезжаются. Пора и нам уходить. Вот мы с Гиляем задумали пойти чай пить... в трактир. Хотите с нами? Скоро теперь трактиры открываются — для извозчиков.

И мы пошли.

Нас было четверо: присоединился к нам еще младший брат Чехова, Михаил Павлович, в то время студент. Наняли двух извозчиков и поехали разыскивать ближайший трактир. Где-то неподалеку, в одном из пе-

реуяков, засветились окна маленького трактира. Зимнее морозное утро только то начиналось. Было еще темно.

Трактир оказался грязный, дешевый.

— Это и хорошо, — говорил Антон Павлович. — Если будем хорошие книги писать, так в хороших ресторанах еще насидимся. А пока по нашим заслугам и здесь очень великолично.

Благодаря тому, что мы все были одеты во фраки, нас принимали здесь за свадебных официантов, закончивших ночную работу, — и это очень веселило Чехова.

Сели за стол, покрытый серой, непросохшей с вечера скатертью. Подали нам чаю с лимоном и пузатый чайник с кипятком. Но от нарезанных кружочков лимона сильно припахивало луком.

— Превосходно! — ликовал Антон Павлович. — А вы вот жалуетесь, что сюжетов мало. — Да разве это не сюжет? Тут на целый рассказ материала.

Перед глазами у нас, я помню, была грязная пустая стена, выкрашенная какой-то масляной краской.

С этой стены и пошел разговор о писательстве.

— Как так, сюжетов нет? — настаивал на своем Антон Павлович. — Да все — сюжет. Вот посмотрите на эту стену. Ничего интересного в ней нет, кажется. Но вы взгляните в нее, найдите в ней что-нибудь "свое", чего никто еще в ней не находил, и опишите это. Уверяю вас, хороший рассказ может получиться. И о луне можно написать хорошо, а уж на что тема затрепанная. И будет интересно. Только надо все-таки увидеть и в луне что-нибудь "свое", а не чужое и не избитое.

— А вот это разве не сюжет? — указал он в окошко на улицу, где стало уже светать. — Вон, смотрите: идет монах с книжкой собирать на колокол... Разве вы не чу-

ствуете, как сама завязывается хорошая тема... Тут есть что-то трагическое — в черном монахе на бледном рассвете...

За чаем, который благодаря лимону тоже отдавал немножко луком, разговор перекидывался с литературы на жизнь, с серьезного на смешное. Между прочим, Чехов уверял нас, что никакой "детской" литературы не существует.

— Везде только про Шариков да про Барбосов пишут. Какая же это "детская"? Это какая-то "собачья" литература! — шутил Антон Павлович, стараясь говорить как можно серьезнее.

И сам же вскоре написал "Каштанку" и "Белолобого", — про собак.

Стало уже совсем светло. Улица оживилась. Мне было хорошо и радостно. Как сейчас вижу молодое милое лицо Чехова, его улыбающиеся глаза. Таким жизнерадостным, как в эту первую встречу, я никогда уже, во всю жизнь, Антона Павловича не видел.

Последняя наша встреча была в Москве, накануне отъезда Чехова за границу. Случилось так, что я зашел к нему днем, когда в квартире никого не было, кроме прислуги. Перед отъездом было много всяких забот, и все его семейные хлопотали без устали.

Я уже знал, что Чехов очень болен, — вернее, очень плох, и решил занести ему только прощальную записку, чтобы не тревожить его. Но он велел догнать меня и воротил уже с лестницы.

Хотя я и был подготовлен к тому, что увижу, но то, что я увидал, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто не то в халате, с пледом на ногах, сидел то-ченький, как будто маленький человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ, изнурен и неузнаваем. Ан-

тон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться.

А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит:

— Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать.

Он сказал другое, не это слово, более жесткое, чем "умирать"; которое не хотелось бы сейчас повторять.

— Умирать еду, — настоятельно говорил он. — Поклонитесь от меня товарищам нашим по "Среде"... Хороший народ у вас подобрался. Скажите им, что я их помню и некоторых очень люблю... Пожелайте им от меня счастья и успеха. Больше мы уже не встретимся.

А месяца через два, в Баденвейлере, вечером 15 июля, когда все средства борьбы были уже исчерпаны, доктор велел дать больному шампанского. Но ведь больной был сам доктор и понимал значение этой меры. Он сел и как-то значительно и громко сказал доктору по-немецки: "Я умираю". Потом взял бокал, повернулся лицом к жене и с улыбкой проговорил последние слова в жизни:

— Давно я не пил шампанского...

По словам жены, он спокойно вынул все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навеки. Наступившую жуткую тишину ночи нарушала только ворвавшаяся в окно большая черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки, и металась по комнате.

Когда ушел доктор, среди полной тишины и духоты ночи, вдруг со страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского...

Начинало светать. Вскоре занеся утренние тучи.